ВЪ ЭТИ ДНИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

АЛЬМАНАХЪ

БЕЛЛЕТРИСТИКА и СТИХИ:

Л. Андреева, М. Арцыбашева, В. Брюсова, С. Городецкаго, А. Ершова, А. Журина, А. Куприна, В. Ленскаго, Н. Минскаго, Л. Столицы, Игоря Сѣверянина, гр. Алексѣя Н. Толстого, В. Ходасевича, В. Шершеневича.

СТАТЬИ:

Проф. Д. Анучина, П. Берлина, А. Кизеветтера, П. Кропоткина, В. Тотомianца.

РЕПРОДУКЦІИ съ КАРТИНЪ и РИСУНКОВЪ:

Савицкаго, Самокишъ, Ярошенко, Прайса, Дивуа и изд. „Летучей Мыши".

Изд. „Наши Дни".

Москва. — 1915.

В. Р. 49288 № 6

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Надо вообразить себе не гнев, а холодную злобу, бешеную и расчетливую, облеченную высокой техникой и великолепной внешней культурой и в то же время сознательно топчущую в прах и разрушающую до основания все, чем гордится истинный человеческий прогресс, созданный гениями мысли, учителями добра и служителями красоты. Вообразите себе кровожадность, как меру, введенную в строгую систему. <…> Нет, видимо, сам Бог отступился от страны, покарав ее этим неизлечимым, злобным, хитрым и холодным сумасшествием».

- А. Купринъ
  - ○

А. Купринъ
О жестокости

В одном месте своей прекрасной книги «Тактика» замечательный военный писатель, покойный генерал Драгомиров, с мудрой осторожностью рассказывает о том, что бывают на войне (изредка) и такие — увы — неизбежные случаи, когда приходится встречать огнем свою же часть, бегущую от огня неприятеля (к счастью в истории русской армии таких случаев мы не знаем). И в заключение он, точно со вздохом, приводит слова одного французского генерала, подавлявшего в Африке восстание арабов: «Страшно становится, когда подумаешь о том, на что можно отважиться на войне».

В этих железных словах есть жестокая логика и неумолимая правда войны, которая состоит в разрушении всех человеческих правил, которая перешагивает через доводы повседневного рассудка, которая отметает, как сор, со своего красного пути все накопленные миром драгоценности: радость жития, доброту, жалость, красоту отношений… Война перетасовывает в несколько дней все наши понятия — белое делает черным, голубое — пурпуровым.

Убийство, воровство, грабеж, поджог, предательство, обман — все эти в мирное время такие опасные, презренные и преступные явления вдруг становятся на войне не только возможными, допустимыми, неизбежными, но порою прямо даже героическими.

Мы, с истерическим содроганием убегавшие, чтобы не видеть, как кухарка режет цыпленка, мы свыкаемся с мыслью о необходимости ужасов проволочных заграждений, волчьих ям, камнеметных фугасов и пулеметов, и разве мы, читая в газетах о десятках тысяч людей, погибающих в один день, в одном большом сражении, не говорим: «Да, все это ужасно, но логично».

Разве, вопреки нашему обычному, мирному разуму, мы не соглашаемся с тем, что можно и нужно, ведя войну, захватывать чужие города и объявлять их своею собственностью, выпускать чужие фальшивые ассигнации, отбирать и, если понадобится, даже силою, для нужд армии частное имущество, сжигать по стратегическим соображениям деревни и города, обманывать врага ложными устными и газетными известиями, оплачивать предательство?

Разве не настоящими исполинами терпения, самоотверженности, присутствия духа и безграничной любви к

родине представляются теперь для нас, так брезгливых всегда к сыску и шпионажу, те офицеры японского генерального штаба, которые из святых патриотических побуждений служили бойками, прачками, носильщиками, чистильщиками сапог, рикшами, — служили в чужой, враждебной стране, терпя унижения, брань, побои, всегда на волосок от позорной, наглой смерти?

А разве не жестоки случаи расстрела трусов и беглецов? Во всякой даже самой дисциплинированной армии найдутся на первых порах люди, которые по душевному складу, по особо нервной организации, наконец, благодаря внезапному безумию, не смогут противостоять ни разумом, ни волей животному, паническому страху. Ведь смелость и храбрость далеко не общее достояние, и труса мы склонны в мирное время свысока пожалеть или пренебрежительно посмеяться над ним. Но важность примера и неумолимые требования военной дисциплины гасят в настоящем военачальнике голос сердца. И судить ли нам человека, осуждающего в течение четверти часа, иногда пяти минут, даже секунд на неизбежную смерть своего ближнего, своего брата.

Наконец, на войне, всегда бесконечно разнообразной и многогранной, могут быть изредка и такие ужасные случаи, когда сравнительно небольшой отряд, непомерно обремененный пленными и в то же время исполняющий назначение громадной важности, может очутиться в таком безвыходном положении, когда перед ним встает неотвратимый вопрос: что предпочесть — обычное ли, живущее в душе, врожденное милосердие, или собственную погибель, и с нею, что еще главнее, погибель принятого на себя дела, имеющего в данную минуту огромное, решающее значение? И военачальник, власть которого безгранична и ответственность безмерна, может быть, с бесконечной болью в душе, — с болью, которой не представит себе никогда мирное воображение, приходит к кровавому, но неизбежному решению.

Это то, что можно даже в самой жестокой войне назвать самой жестокой из жестокостей.

Но то, что сейчас делают германцы и о чем мы говорим ежесекундно, в домах, в ресторанах, в избах, на площадях и на улицах, — это вовсе не жестокость и не повальное, как полагают иные, стихийное, садическое безумие, несущееся в пропасть, мрак, в кровь и в грязь, а нечто более непонятное и более ужасное, чем безумие, более отвратительное, чем подлость и, несомненно, впоследствии более гибельное для Германии, чем правильная война.

Надо вообразить себе не гнев, а холодную злобу, бешеную и расчетливую, облеченную высокой техникой и великолепной внешней культурой и в то же время сознательно топчущую в прах и разрушающую до основания все, чем гордится истинный человеческий прогресс, созданный гениями мысли, учителями добра и служителями красоты. Вообразите себе кровожадность, как меру, введенную в строгую систему.

Насилие над женщинами и убийство детей, как кабинетный способ обескровливания дочиста враждебной страны.

Поджоги, разгромы и добивание раненых, как механический рецепт устрашения.

Глумление над ни в чем неповинными людьми, толчки, плевки, кулаки, приклады и мерзости, каких не предвидел ни один знаток сексуальной психиатрии, как закон морального воздействия, закон, предписанный свыше людьми безграничной власти, высокого образования и редкой религиозности!

Нет, видимо, сам Бог отступился от страны, покарав ее этим неизлечимым, злобным, хитрым и холодным сумасшествием.

И следует помнить нам всем точно и твердо, что никогда еще проявление безмерной и безумной жестокости не действовало устрашающим образом на воинов, идущих сознательно и спокойно в защиту своей родины, идущих не с тем, чтобы умереть или победить, а с тем, чтобы победить. Не надо вовсе быть пророком, чтобы предвидеть, что змея кончит тем, что начнет пожирать самое себя, истекая бешеной слюной и кровью.

Надо помнить еще, что Германия с ее вежливыми саксонцами и добродушными мюнхенцами состоит не из одной только Пруссии, которой и в Германии не терпят.

И, конечно, наступит время, когда России придется быть беспощадно жестокой, но жестокой не в избиении стариков, женщин и младенцев, а в неумолимости своих требований ради того, чтобы на несколько сот лет, если не навсегда обеспечить земле мир, одной из хранительниц которого будет возвеличенная Россия.

А перед скорбью тех отцов, жен, невест и сестер, чьи сыновья, братья и возлюбленные пали первыми святыми жертвами необузданной германской жажды крови, мы тихо, благоговейно склоним обнаженные головы. Их скорбь — наша скорбь. И если Богу угодно будет дать нам победу — победа будет отмщением за мученические тени.

(1915)